

— Лян Цзюньцзы! — Гао Цюн, не в силах пошевелиться, был полон ярости и ненависти. — Ты нарушил слово!

Лян Цзюньцзы окружил себя густым туманом, и под светом ламп лицо его стало еще бледнее. На мгновение в тумане проступила статная фигура тибетской антилопы, затем она вновь растворилась, окутав Гао Цюна.

Внезапно Гао Цюн почувствовал, что пронизывающий холод исчез. Теплая сила окружила его, позволяя наконец вздохнуть полной грудью.

— Я знал, что ты обманываешь меня, — Лян Цзюньцзы, опустив голову, настраивал прибор на руке. — Ты не собирался уходить со мной, я знал.

Ветер вокруг Гао Цюна усилился, ледяные крупы становились все гуще, а теплая сила все плотнее обволакивала его.

— Но я все равно рад, — улыбнулся Лян Цзюньцзы. — Наконец-то я смог сделать для тебя то, что принесет тебе радость.

Голос Лян Цзюньцзы постепенно затих. Гао Цюн услышал странный гул, проникающий прямо в уши.

— Гао Цюн!

Он услышал, как Лян Цзюньцзы закричал.

— Пусть ты всегда, всегда будешь свободен! — голос Лян Цзюньцзы стал далеким и тихим. — Ты свободен! Ничто не может...

Голос внезапно исчез.

Перед глазами Гао Цюна все померкло, мимо сетчатки пронеслись бесчисленные светящиеся точки, но из-за скорости они оставили лишь едва заметные следы, которые тут же исчезли.

Вокруг был лишь холодный ветер, ледяные крупы, неизвестно откуда взявшиеся, били в лицо. Странный гул тоже исчез, и он погрузился в абсолютную тишину, лишь теплая сила, неизменно окружавшая его, не изменилась. Она становилась все сильнее, противостоя мощной энергии этого странного коридора и изо всех сил защищая Гао Цюна.

Гао Цюн инстинктивно закрыл глаза.

Он упал на твердую поверхность, и спину пронзила острая боль.

Затем на него плеснули ледяной водой.

Гао Цюн вздрогнул и резко открыл глаза.

Он лежал в переулке, позади — куча мусора. Лил сильный дождь, крупные капли больно били в лицо.

С трудом приподнявшись, Гао Цюн, весь промокший, сидел в оцепенении.

У выхода из переулка проехала машина, подняв высокие брызги, и пешеходы, раскрыв зонтики, начали ругаться.

Гао Цюн покачал головой, на ощупь исследуя землю. Земля была шероховатой, голоса людей — четкими, даже запах мусора позади вызывал у него странное волнение.

В переулке, судя по всему, жили люди: доносились последние строки пекинской оперы, которые внезапно оборвались, а затем раздался легкий и живой женский голос: «Сейчас пекинское время, 19 августа 2011 года, 16:00, радиовещание... Погода сегодня: дождь, местами сильный...»

Гао Цюн свернулся на земле, и в состоянии, граничащем с пустотой и безумной радостью, хрипко рассмеялся, а тут же заплакал.

Дождь лил не переставая, он дрожал под потоками воды. Теплая сила, которая только что окружала его, исчезла без следа.

Гао Цюн старался говорить как можно кратче, но Чжан Сяо все еще не мог прийти в себя.

В крайнем изумлении он задал лишь один вопрос:

— Инцидент 819 произошел из-за тебя?

Гао Цюн не стал отрицать:

— Скорее всего, да.

Чжан Сяо сжал кулак, затем разжал, и снова сжал. Они сидели на диване, была глубокая ночь, оба были голодны, но аппетита ни у кого не было. В свете лампы Чжан Сяо увидел, что пальцы Гао Цюна крепко сплетены и слегка дрожат.

Он быстро схватил Гао Цюна за руку.

— Сестра... она не знает?

— Она не знает, — Гао Цюн сделал паузу. — Кроме тебя, только Ин Чанхэ знает, откуда я пришел.

Чжан Сяо спросил его:

— То место, откуда ты, это не прошлое и не настоящее, это параллельный мир, верно?

Гао Цюн кивнул.

— Как Ин Чанхэ нашел тебя?

Гао Цюн начал рассказывать о том, что произошло после того, как он вышел из переулочка.

В тот день дождь шел до вечера и только к ночи немного утих.

Гао Цюн был без гроша в кармане, голодный и замерзший, но идти ему было некуда. Он бродил по улицам и случайно наткнулся на Ин Чанхэ, который возвращался домой после работы в Комитете по управлению культурными реликвиями.

Было около одиннадцати часов ночи, Ин Чанхэ шел один, держа зонт.

Происшествие случилось днем, после нескольких часов работы Комитет был взят под контроль

Офисом кризисного управления и оцеплен, всех выгнали. Ин Чанхэ знал, что несет ответственность за эту аварию, но больше всего его огорчила смерть десяти товарищей.

В Комитете людей всегда было немного, 19 августа была двенадцатая полевая миссия, поиск большой гробницы оказался сложным, поэтому Чэнь Ци забрал с собой почти всех ключевых сотрудников.

Никто не ожидал несчастного случая, и никто не думал, что все окажется так серьезно.

Ин Чанхэ ждал, пока на перекрестке загорится зеленый свет, когда услышал сзади шорох. Кто-то копался в мусорном баке в поисках еды.

Это был Гао Цюн. Он был слишком голоден, и, видя, что вокруг никого нет, начал искать выброшенную еду. Ин Чанхэ медленно подошел к нему и, нахмурившись, спросил:

— Ты из какого отдела?

Ин Чанхэ не был человеком с особыми способностями, он на самом деле не мог видеть ментальные тела. Но, долгое время работая и живя рядом с часовыми и проводниками, он постепенно научился различать некоторые размытые очертания, но рассмотреть что-то яснее было невозможно. Волк Гао Цюна был выпущен, его большой хвост обвивал ноги, давая немного тепла. Ин Чанхэ, увидев размытый контур у ног Гао Цюна, спросил снова:

— Ты из какого отдела?

Позже Гао Цюн узнал, что ни один часовой или проводник не опустился бы до того, чтобы в проливной дождь копаться в мусорном баке в поисках еды. Чтобы обеспечить стабильность этих особых людей, даже проводники, чье положение на рынке труда было гораздо хуже, чем у часовых, при отсутствии постоянной работы могли получать ежемесячное пособие от Министерства гражданских дел. Ин Чанхэ был проницателен и сразу заметил необычность Гао Цюна.

Инцидент 819 погрузил его в состояние невыносимой вины и скорби. Увидев, что Гао Цюн молод, но выглядит испуганным и подозрительным, он решил, что тот сбежал из семьи, которая не принимает часовых и проводников, или из какой-то оппозиционной организации, или даже из секты.

Ин Чанхэ отвел его в комнату охраны Нацмузея и позволил ему там отдохнуть и поспать.

Гао Цюн не спал всю ночь. Он занял помещение охранника, но, к счастью, тот тоже не отдыхал: Гао Цюн слышал, как он поддерживал порядок, а за дверью то и дело слышались плач и беготня. Машины въезжали и выезжали, создавая шум.

Но Гао Цюну это было интересно. Он не понимал, почему люди снаружи печальны и суетятся, но он слишком давно не слышал столько шума, и ему было радостно.

На следующий день пришел Ин Чанхэ. Он был одет просто, весь в белом, ничего не нес, заглянул в комнату охраны, проверил состояние Гао Цюна, велел ему оставаться внутри, а сам пошел в музей.

Гао Цюн весь день листал газеты и постепенно понял, куда попал. Он не знал, как Лян Цзюньцзы выбрал это место, и не был уверен, попал он сюда благодаря Лян Цзюньцзы и прибору или из-за какой-то ошибки. В газетах писалось о множестве интересных вещей: войны,

бытовые проблемы, международные переговоры, рыболовство, землетрясения, цунами, оползни, авиакатастрофы, вечеринки, фильмы, путешествия, круизы, концерты... Все это было неизвестно Гао Цюну.

Он жил в Башне Тунтянь, где мог получать лишь тщательно отфильтрованную безопасную информацию, в основном о том, как приготовить то или иное блюдо или вырастить растение. Он перечитывал это много раз, но, кроме того, что у него текли слюнки, это было бесполезно.

К вечеру Ин Чанхэ наконец пришел. Гао Цюн уже съел все запасы лапши быстрого приготовления и маринованных овощей охранника. Он был поражен простотой и вкусом этой еды, но не знал, как выразить благодарность охраннику, и просто продолжал показывать ему большой палец.

Ин Чанхэ был мрачен, нос у него покраснел, словно он плакал. Он стоял у двери комнаты охраны и смотрел на въезжающие и выезжающие машины. Гао Цюн тоже подошел посмотреть и увидел, что он смотрит на небольшое трехэтажное здание из красного кирпича неподалеку.

<http://bllate.org/book/16847/1550527>